

Могла ли смерть кормилицы так повлиять на поведение Юн Шаня? Неужели он думает, что в этом виноват Юн Ци? Но он и сам долго скорбел по ней, как младший брат мог подумать, что он страдал в одиночестве?

— Прошлое — это прошлое, а сейчас — это сейчас, — неожиданно грубо сказал Чжан Чэнь. Кто в здравом уме мог позволить себе разговаривать в таком тоне с членом королевской семьи? Министр, почувствовав свою безнаказанность и полную вседозволенность, переходил границы, и Юн Ци это чётко понимал, однако пока продолжал терпеть. — Император приказал мне непременно доказать или опровергнуть все обвинения в Вашу сторону, и потому сейчас...

Юн Шань, тихо сидевший всё это время в стороне, внезапно мягко прочистил горло и прервал мужчину:

— Это дело давно минувших дней, оно вполне может и подождать. Лучше спросите о чём-нибудь другом. Не нужно топтаться на месте, у нас ещё много вопросов.

Чжан Чэнь замер, но быстро пришёл в себя. Юн Шань был одного с ним мнения, и министр не мог позволить себе отказаться от такой блестящей возможности показать себя во всей красе. Он всегда работал на два фронта: сначала извинялся перед Юн Ци, а потом издевался над ним перед Юн Шанем.

— Слушаюсь, — с уважением ответил он, поклонившись принцу.

Взяв другой свиток в руки, Чжан Чэнь снова раскрыл его и дважды покашлял, прочищая горло. Этот допрос, если это можно было назвать допросом, проходил в весьма грубой форме: с Юн Ци разговаривали, словно с дворовой собакой, забыв о его происхождении. Он сын императора, как может какой-то чиновник позволять себе такое? Но Юн Ци терпел, предпочитая не давать волю эмоциям.

— Тогда позвольте мне задать другой вопрос, — сказал Чжан Чэнь. — В декабре двадцатого года династии Цинь, когда Вы уже были свергнуты с престола, император сделал Вам одолжение и отправил в Наньлинь подальше от чужих глаз. Император надеялся, что Вы многому научитесь, пребывая в тех местах. Но зачем Вы связались с министрами из города Цзин и лично настаивали на встрече с ними? Вы затевали что-то противозаконное?

Это случилось в декабре двадцатого года династии Цинь, буквально месяц назад. Свергнутый в июне Юн Ци был отправлен в Наньлинь — лес, что находился на юге страны. Боясь навлечь на себя ещё одно несчастье, Юн Ци заперся во дворце, отказываясь покидать даже его пределы. Так он чувствовал себя в безопасности. В этом была определённая логика: закрывшись от всего мира, он мог избежать несчастий. Когда его лишили титула кронпринца, это сильно ударило по нему. Всё шло хорошо, пока однажды не пришла беда. Чего юноша совсем не ожидал, так это злых языков, которые распространяли гадкие сплетни со скоростью пожара. Эти слухи, конечно же, дошли до императора, и тот приказал схватить сына и доставить обратно во дворец, чтобы допросить его.

Слушая решительные обвинения Чжан Чэня, Юн Ци несколько раз глубоко вздохнул, а затем задал встречный вопрос:

— С какими министрами я поддерживал связь?

— С Цай Синем, Лэй Тао'у, Сунь Нанем... Вы что, разве не писали им письма? Не спрашивайте меня о том, что сами знаете, — ответил хмуро чиновник, всё ещё держа в руках свиток.

— Писал, — кивнул Юн Ци. На все вопросы он старался отвечать спокойно и чётко, тщательно подбирая слова. Было бы глупо сказать что-то по неосторожности и после этого стать куда более страшным преступником. — Цай Синь и Лэй Тао'у являются моими наставниками, которых специально нанял мой отец, чтобы они присматривали за мной до моего совершеннолетия. А Сунь Нань — мой дядя. Мне что, нельзя писать им письма?

— Можно. Но плести заговоры и создавать фракции в своих корыстных целях — это серьёзное преступление!

Простые письма, где не было ничего, кроме вопросов о здоровье, оказались ни с того ни с сего «уликкой», на которой строились такие серьёзные обвинения. Юн Ци даже толком не мог понять, в чём его обвиняют: в заговорах, предательстве или чёрной магии — всё сбилось в один большой ком! Он просто спрашивал о самочувствии не безразличных ему людей и из-за этого стал преступником? От подобной нелепости даже спокойный Юн Ци пришёл в ярость.

— Да кто сказал тебе, что в этих письмах я плёл заговоры? В конце концов, ты хоть раз видел их своими глазами, чтобы говорить подобное? — вспыхнул он, нахмурившись. Как омерзительно слушать подобное!

— Нет, — пристально поглядел на Юн Ци Чжан Чэнь и, ехидно улыбаясь, продолжил, — вот поэтому-то Чжан Чэнь и допрашивает Вас, чтобы узнать, зачем Вы писали эти письма. Что за тайны скрыты в них? И есть ли у Вас сообщники? Находясь в Наньлинь, Вы тайком получали письма от матушки Ли. Что в них было написано? Связаться с министрами Вам предложила Ваша матушка, или это оказалось Вашей идеей?

Целая вереница несвязных вопросов, абсолютно лишённых логики и последовательности. Он только что сказал, что спрашивал о самочувствии близких людей, а этот министр снова заладил о заговорах? Разве это допрос? Внезапное осознание собственного положения заставили всё тело Юн Ци похолодеть. И дураку понятно, что все его слова обесцениваются. Что бы он ни говорил — всё тщетно, потому что никому не нужна правда. Просто кто-то хочет уничтожить всю семью Сунь и избавиться от всех министров, что верны ей.

После того, как Юн Ци свергли с престола, матушку Ли заточили в Холодный Дворец, и с тех пор она безвылазно пребывала там без права выходить за его пределы. Да, они действительно переписывались тайно. Им приходилось платить серебром и просить самых близких служанок и евнухов передавать письма друг другу, чтобы мать и сын могли общаться. Но, несмотря на это, во всех письмах было всего лишь несколько строк, в которых говорилось, что они очень сильно скучают друг по другу и в которых они интересовались здоровьем друг друга. Вот и всё. Разве есть в этом что-то преступное? Разве нарушается закон, когда сын говорит матушке, что любит её?

Лишь сейчас Юн Ци понял, что эти письма попадали к ним не по счастливой случайности, а специально, и всё ради того, чтобы потом обвинить их. Служанки передавали эти письма матери, а потом министрам, чтобы в будущем оклеветать старшего из принцев. Это же насколько люди пропитались ядом и злобой, раз пошли на такую низость? Почему они так страстно желают его смерти?

— Отвечайте быстрее. Ваше Высочество, у Вашего слуги не так много терпения. Вы сами прекрасно знаете, что препирательство ничем хорошим для Вас не кончится.

«Нет, нельзя сейчас сдаваться! Злым языкам удалось меня оклеветать, но без моего признания у них ничего не выйдет!», — думал лихорадочно Юн Ци. О, как наивны были его

надежды! Они и без его признаний смогут осудить его. Немного поразмыслив над этим, принц поднял голову и равнодушно сказал:

— Я понятия не имею. Да, эти письма написаны мной. Но там, кроме обычных слов приветствия и вопросов о здоровье, ничего нет. Такие же письма я отправлял своим наставникам и дяде. Как видите, ничего плохого я не совершил.

— Я гляжу, Ваше Высочество хочет отнять у меня время? — У Чжан Чэня был огромный опыт в допросе преступников, а Юн Ци был изнеженным сыном императора, который никогда не видел тюремных камер. Заметив, что Юн Ци изменился в лице после его слов, мужчина тотчас же всё понял.

Перед тем, как начать вести это дело, Чжан Чэнь разузнал о нынешней атмосфере во дворце и о том, что второй принц Юн Шань, который сейчас сидел позади него, через несколько дней должен стать кронпринцем. Общая ситуация в Поднебесной уже была решена, теперь наступало время будущему императору проявить себя.

Не для того ли вчера императрица Шу позвала к себе Чжан Чэня? Не из-за ослабевшей ли семьи Сунь она говорила с ним? Очевидно, многие замечали постепенный упадок рода Сунь, и теперь императрица Шу желала всеми силами вернуть былое величие семьи.

А для этого нужно было лишь устранить кронпринца и его мать. Эти двое, словно бельмо на глазу, мешали семье снова подняться. Императрица Шу не видела в Юн Ци сильного человека и теперь считала, что он лишь помешает стране оставаться такой же сильной, как и прежде.

Самый быстрый способ избавиться от Юн Ци — это подвергнуть его пыткам. Палка, металлический прут, кнут — подойдёт что угодно, чем можно наносить увечья. Главное приложить чудовищную силу во время наказаний, и тогда наверняка этот лишённый чести принц сразу же умрёт. Он никогда не занимался тяжёлой работой, и становилось очевидно, что он не переживёт и дня в пыточной. Поведение Юн Ци совпадало с намерениями Чжан Чэня. Поглядев на хрупкое тело несчастного юноши, мужчина грубо рассмеялся:

— Ваше Высочество, пожалуйста, взгляните на это.

И, повернувшись боком, мужчина указал рукой на стену.

— Эти вещи нам даровали императоры минувших эпох. Их специально использовали на принцах, аристократах и тех дворянах, что совершили тяжкие преступления. Эти подаренные орудия пыток служат доказательством того, что нам позволено наказывать королевскую семью лично. Даже если Вы умрёте во время пыток, это ничего не изменит. Сколько же здесь хороших и полезных вещей, посмотрите. Ваше Высочество, что Вы из этого выбираете?

Юн Ци поднял взгляд на стену, на которой висели множество старых странных вещей. Эти зловещие и крайне необычные орудия пыток были покрыты толстым слоем давно засохшей крови. Одному только Небу известно, сколько человек было убито этими чудовищными изобретениями. Вот палка с шипами, кнут, рядом лежат иглы, недалеко стоит большой топор, чтобы отрубать пальцы. От одного этого вида к горлу подступала тошнота.

Никогда ещё за все свои шестнадцать лет Юн Ци не подвергался физическим пыткам. Ему ни разу не давали по рукам учителя, на него даже не замахивались, но сейчас, глядя на все эти угрожающие вещи, юноша понимал, что настает его час расплаты. Расплаты за свою гордость и надменность. За свою наивность. Гнев, печаль, страх — все эти чувства отразились в его ясных глазах. Нарастающий страх всё сильнее охватывал его душу. Юн Ци перевёл полный

горечи взгляд на Юн Шаня, который надменно восседал неподалёку.

Даже его брата, который был младше всего на два часа, охватил неподдельный страх, когда их взгляды встретились. Очевидно, что и Юн Шань был несколько напуган поведением чиновника, который, кажется, совершенно серьёзно хотел пытать молодого принца.

Однако вскоре взгляд изменился, и Юн Шань поглядел на него всё с тем же безразличием и холодом, что были до этого. От этого взгляда сердце Юн Ци расколосось, словно по нему безжалостно ударили молотком. Если бы... Если бы Юн Линя прислали проконтролировать, то, возможно, всё обошлось бы малой кровью.

— Итак, Ваше Высочество, Вы уже всё обдумали? — подал голос министр.

— Разве ты не собираешься меня пытать? — Со скорбным негодованием Юн Ци повернул голову и презрительно поглядел на Чжан Чэня. — Ну же, приступай. Чего ты ждёшь? Какая разница, что я выберу, если ты всё равно убьёшь меня?

Чжан Чэнь только и ждал этого. Всё происходящее в итоге должно было закончиться надписью в свитке: «Принц Юн Ци постоянно препирался и вёл себя неблагоразумно, поэтому был подвергнут пыткам». Получив ответ Юн Ци, мужчина растянул губы в улыбке и усмехнулся. — Что же, мой принц[1], у Вас есть мужество.

После этого мужчина поднял руку и, не оборачиваясь, выбрал металлический прут, покрытый кровью. Должно быть, в прошлом кого-то забили им до смерти в буквальном смысле.

Нужно было иметь определённые навыки, чтобы правильно обращаться с этой вещицей. Один точный удар не оставлял никаких следов, кожа жертвы не трескалась, не открывалось кровотечение. Однако этот удар мог повредить мышцы и переломать кости, разрывая все жизненно важные органы. И не важно, сколько жертве наносили ударов, два или тридцать три, на её теле по-прежнему не оставалось никаких следов. Вот только через день-два жертва прощалась с жизнью, и у неё не было никакой надежды на спасение из-за внутренних повреждений. Сказать, что этот инструмент был самым эффективным методом управления тюремщиками — значит, ничего не сказать. Чжан Чэнь выбрал самый болезненный способ устранить принца, самый жестокий.

Чжан Чэнь не успел и слова вымолвить, как вдруг раздался голос Юн Шаня:

— Стойте.

От этого Чжан Чэнь остолбенел. Он уже представил, как лично будет пытать Юн Ци, но его замешательство длилось недолго, после чего, резко изменившись в лице, он оглянулся на Юн Шаня.

— Ваше Высочество?

— Чжан Чэнь, я хочу тебе кое-что сказать. — Юн Шань поднялся с места и мягко махнул рукой. — Идём, нам нужно найти уединённое место и кое о чём поговорить. — Не дожидаясь реакции Чжан Чэня, Юн Шань развернулся и медленно вышел из помещения.

Чжан Чэнь понятия не имел, что вдруг затеял будущий кронпринц. Но делать нечего и, почесав свой нос, он всё же последовал за Его Высочеством, оставив на время пытки Юн Ци. Выйдя из помещения, Юн Шань завернул за угол, где им никто не мог помешать. Лицо его было бесстрастным, и министр всё не мог понять, что же случилось.

— Вчера, — начал принц, привлекая к себе внимание, — ты отправлялся на встречу с матушкой-императрицей?

— Да, так и есть.

— И она тебе что-то сказала, не так ли?

— Да, императрица Шу... Она...

— Я, кажется, догадываюсь, что она тебе сказала, — неожиданно холодно перебил его Юн Шань, не давая и слова сказать.

Холодное дыхание северного ветра, что проникало в помещение, пробиралось под одежду, касаясь кожи. словно острое и холодное лезвие ножа, оно пронзало тело, заставляя содрогаться и искать тепла. Ветер проскальзывал даже под тёплый меховой халат Чжан Чэня, заставляя того дорожать от холода, хотя ему казалось, что оделся он достаточно тепло.

«Этот странный принц не мог выбрать более тёплое место для беседы?» — жаловался про себя Чжан Чэнь Небесам, однако высказать всё это вслух побоялся. Вместо этого, он продолжал бесстрастно смотреть на Юн Шаня, надеясь как можно скорее закончить разговор. Ведь внутри его ждал непокорный пленник, который должен был понести наказание.

Примечания:

[1] Taiziye — имя, данное детям, чьи родители имеют высокий статус: правительственные чиновники, люди с богатством и/или властью. Поскольку как в русском, так и английском, нет точного определения, мы использовали «мой принц».

<http://bllate.org/book/13372/1189538>